

СУДЕБНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ГРАЖДАНСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация. В статье приводится авторская классификация судов, действовавших в период второй половины XIX – начала XX века. В качестве критерия разграничения избрана подсудность судебных органов, исходя из чего, были выделены общие и специальные суды. В статье дается анализ каждой из названных судебных подсистем.

Ключевые слова: судебная система, мировые суды, коронные суды, Сенат, общие, специальные суды, апелляционная и кассационная инстанции.

В отечественной и зарубежной историко-правовой науке нет единого мнения по вопросу о том, что собой представляла судебная система, созданная в ходе судебной реформы 1864 г. Одни авторы указывают на практически полное заимствование правовых институтов¹. Другие специалисты склонны считать, что заимствование носило творческий характер и сопровождалось переработкой иностранного законодательства с учетом отечественного опыта². Анализ реформирования системы судов, рассматривавших гражданско-правовые споры, убеждает нас, что судебная система, созданная в итоге судебной реформы 1864 г., стала результатом синтеза как отечественных традиций, так и зарубежного опыта организации суда. Показателем преемственности с предыдущей структурой судов можно считать сохранение особых, или специальных, судов, а также приверженность сложной судебной организации. Импорт английских институциональных элементов выразился в разделении юстиции на мировую и коронную, или государственную, а французских – в построении институтов апелляции и кассации и соединении двух независимых систем судов (мировых и коронных) единым кассационным органом – Сенатом.

Существуют разные подходы к классификации судов в пореформенной России. Наиболее часто используется критерий подсудности. Сторонники

* Захаров Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Курского государственного университета, zaharov.72@mail.ru

¹ См., например: Василевский А. Отзывы русских журналов и газет о судебной реформе // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 5. С. 403; Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. С. 98–99; Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов, 1999. С. 49.

² См., например: Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. С. 363; История XIX века. Т. 6. М., 1938. С. 77; Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. Т. 3. От Свода законов к судебной реформе 1864 г. М., 2003. С. 344; Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление уставов 20 ноября 1864 г. Пг, 1915; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. С. 326.

данного подхода выделяют в судебной системе России две самостоятельные ветви. Одну ветвь составляли так называемые «общие судебные места» – окружные суды и судебные палаты, а вторую – мировые судьи и их съезды. В дополнение к основному каркасу особняком располагались сословно-специализированные суды: волостные (крестьянские), духовные, военные, коммерческие, инородческие¹. Согласно другой классификации, в России существовало две судебных системы. Одна состояла из местных (волостные суды, мировые судьи, съезды мировых судей), а другая – из общих (окружные суды, судебные палаты, кассационные департаменты Сената) судов. Одновременно действовали судебные учреждения с особой компетенцией (духовные, военные, коммерческие, крестьянские, инородческие суды)². Третьи авторы считают более продуктивным построение классификационной системы судов по способу формирования: с назначаемыми судьями и с избираемыми судьями³.

Нам представляется, что все перечисленные классификации основное внимание уделяют систематизации тех судов, которые были созданы судебной реформой 1864 г., и лишь попутно упоминают те судебные органы, которые появились в результате других преобразований, в том числе и предшествующего периода. К тому же в отдельных случаях отсутствуют ясные критерии классификации. В итоге отсутствует система, которая охватывала бы все разнообразие судов. Считаю, что этот недостаток можно преодолеть, если при классификации судов отталкиваться от содержания ст. 1, 2 Учреждения судебных установлений⁴. Упоминание в единстве мировых судей, съездов мировых судей, окружных судов, судебных палат и Сената указывает на признание их принадлежащими к одной группе общих судов. Норма применения ст. 2 УСУ недвусмысленно указывает, что все остальные суды отнесены к категории «особых», или специальных. Тем не менее не следует ограни-

¹ См., например: Киселева А.В. Основные этапы и особенности реализации судебной реформы 1864 г. (на материалах Нижегородской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2006. С. 12; Ефремова Н.Н. Становление и развитие судебного права в России. С. 200–203; Лонская С.В. Мировой суд в судебной системе пореформенной России // Правоведение. 1995. № 3; Она же. Мировая юстиция в России. Калининград, 2000. С. 46–47.

² См., например: Исаев И.А. История России: правовые традиции. М., 1995. С. 154; Он же. История государства и права России. С. 155; История отечественного государства и права / под ред. О.И.Чистякова. М., 1996. Ч. 1. С. 278; Немытина М.В. Указ. соч. С. 53–54; Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX веков. М., 1995. С. 84; Терентьев Р.В. Реформа местного суда в России в начале XX века: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007.

³ См., например: Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. С. 305; Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони. М., 1981. С. 42.

⁴ Здесь и далее статьи приводятся по официальному изданию: Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны (далее Судебные уставы 20 ноября 1864 г.). СПб., 1867. Ч. 3. Для обозначения указанного закона в тексте используется сокращение УСУ.

чиваться судами, введенными судебной реформой 1864 г., необходимо принимать в рассмотрение весь опыт становления и развития органов гражданской юрисдикции, структура которых, как верно отмечал Е.В. Васьковский, стала результатом «ряда разновременных наслоений»¹.

Исходя из этого считаем плодотворным выделять в системе судов две подсистемы: общих судов и специальных судов. Сравнение с дореформенным периодом показывает отказ законодателя от «узаконенных» примирительных судов, что способствовало сокращению числа формальных квазисудов, на основе чего нет оснований выделять третью подсистему. Перестали функционировать совестные и словесные суды; изменилось содержание правового регулирования третейского суда. В ходе подготовки судебной реформы звучали различные предложения о судьбе примирительного разбирательства в целом и третейского в частности². Законодатель счел необходимым ликвидировать неэффективные «узаконенные» третейские суды, и была предусмотрена возможность существования исключительно добровольных третейских судов³.

Попутно заметим, что упрощение законодательства о третейских судах не привело, однако, к их массовому развитию. По свидетельству ученых, в конце XIX и начале XX в. в России существовало очень мало третейских судов⁴. К тому же на практике были отмечены злоупотребления в сфере третейского судопроизводства, наиболее значимыми из которых можно считать фиктивные третейские процессы. Масштабы злоупотреблений были таковы, что в 1887 г. в Устав гражданского судопроизводства⁵ была введена дополнительная статья 1394¹, которая вводила проверку обоснованности некоторых решений третейского суда⁶. Все это породило дискуссию о судьбе третейского суда. Одни специалисты считали его «вредным или, по меньшей мере, бесполезным»⁷. Другие были склонны отмечать его положительное

¹ Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 42.

² См., например: Джаншиев Г. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М., 1891; Мнение председателя одного из коммерческих судов о наших третейских судах // Журнал Министерства юстиции. 1862. № 3. С. 187; Объяснительная записка к проекту Устава гражданского судопроизводства. Ч. 2. С. 267–268.

³ См.: Устав гражданского судопроизводства. Ст. 1368–1400.

⁴ См.: Веселов А.В. История развития третейского суда в России // Политология в России. – 2001. – 11 дек. – С. 39.

⁵ Далее в тексте используется сокращение УГС.

⁶ См.: ПСЗ-III. Т. 7. № 4899.

⁷ См., например: Анненков К. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. 3. СПб., 1885. С. 307; Вербловский Г.В. Движение русского гражданского процесса, изложенное на одном примере. М., 1905. С. 276; Шенинг В.А. О силе решений третейского суда // Журнал Министерства юстиции. 1896. N 6. С. 64–111; Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1912. С. 486.

значение для рассмотрения гражданско-правовых споров¹. Правда, никаких организационно-правовых последствий эта дискуссия не принесла.

Общие суды

Понимание целостности и единства механизма судоустройства и судопроизводства у «отцов судебной реформы» ограничивалось сферой общего суда. Бросается в глаза разнообразие судебных органов, которое послужило основанием для вывода некоторых исследователей об эклектичности судоустройства в России после судебной реформы 1864 г.² Мы склонны не соглашаться с данным мнением и считаем, что по-прежнему стоит говорить о полисистемной структуре судов.

Общие суды не представляли, строго говоря, единой системы. Они подразделялись на мировые и коронные суды. Мировые суды представляли собой разновидность местных судов и занимались рассмотрением незначительных уголовных и гражданских дел. Историю мировых судов вполне оправданно делить на три периода: 1) 1864–1889 гг., когда были учреждены мировые суды; 2) 1889–1912 гг. – время реорганизации мирового суда, когда в ряде губерний он был заменен земскими участковыми начальниками, городскими судьями и уездными членами окружного суда; 3) 1912–1917 гг. – новая реформа мирового суда, сопровождавшаяся формированием в России подсистемы местных судов. Рассмотрим первый период.

Мировой суд был призван воплотить в жизнь идею о близком для населения суде, который обеспечит «суд скорый, правый и милостивый и равный для всех». Исследователи обоснованно считают мировой суд одним из центральных элементов судебной реформы. Так, Д. Нойбергер называет его «самым ярким примером духа судебной реформы»³. Действительно, если ограниченной целью реформы была замена патриархальной, устаревшей и коррумпированной системы правосудия современной, независимой юстицией по западному образцу, то главной и стратегической ее целью было внедрить уважение к закону в русском обществе, и именно мировые суды, по замыслу реформаторов, должны были стать своего рода «школой уважения к личности и закону». Если же оперировать современными терминами, то авторы реформы надеялись, что «введение "правления закона" (Rechtsstaat), институ-

¹ См., например: Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву: историко-догматическое исследование. М., 1856.

² См., например: Berman H.J. The Spirit of Russian Law // Justice in the USSR. An Interpretation of Soviet Law. Harvard. 1963. P.213–214; Johnson E.L. An Introduction to the Soviet Legal System. L., 1969; Atwell J W The Russian Jury // SEER. Vol. LIII. № 130. January, 1975. P. 48–49; Pomeranz W. Profession or Estate? The Case of the Russian Pre-Revolutionary Adwocatura // SEER. 1999. April, Vol. 77. № 2. P. 240–268.

³ Neuberger J. Popular legal cultures. The St. Petersburg mirovoi sud // Russia's Great reforms, 1855–1881. Bloomington, 1994. P. 232.

ализированное в новых судах, создаст юридически грамотное население, которое может быть ассимилировано в гражданское общество»¹.

Это была достаточно трудная задача, поскольку большая часть населения страны в повседневной жизни руководствовалась традиционными понятиями о правосудии, основанными на обычном праве. Во многом по этой причине мировой суд занимал промежуточное положение между коронными судами, действовавшими на основе законодательных актов, и крестьянским судом, основывавшимся на обычном праве. В юрисдикцию мирового суда входило рассмотрение мелких гражданских дел всех сословий. Таким образом, мировая юстиция разгружала коронные суды от малозначительных споров. Ее достоинством выступало то, что правосудие вершили люди, хорошо знакомые с населением и пользовавшиеся его доверием, что обеспечивалось не только системой цензов, но и выборным способом замещения должности мирового судьи. Мировой суд опирался на общие принципы судоустройства, принятые судебными уставами: всеобщности, гласности, состязательности и т.д. Он рассматривался как авторитетный посредник для разрешения мелких конфликтов населения. Само название, ведущее начало от мирового посредника, указывало на то, что данный суд призван был не столько судить и карать, сколько мирить стороны, склонять их к принятию мирового соглашения. Причем мировой суд должен был решать споры не только на основе закона, но и «по совести» (ст. 129 Устава гражданского судопроизводства²). Это дало основание для обоснованных заявлений о том, что мировой суд выступил преемником совестного суда³.

Мировая юстиция, согласно не совсем удачной концепции судебной реформы, которая, как точно подметил Дж. Нойбергер, представляла собой сочетание патернализма и институционализации⁴, представляла собой обособленную и замкнутую систему. Первую инстанцию составляли единоличные участковые мировые судьи. Уезд с находящимися в нем городами составлял мировой округ, который, в свою очередь, разделялся на мировые участки. В столичных городах Петербурге и Москве существовало несколько мировых округов, состоявших из двух или более частей города. В каждом участке работал один участковый мировой судья. Именно он разбирал отнесенные к компетенции суда гражданские и уголовные дела и получал установленное вознаграждение.

В мировом округе, кроме участковых, имелись также почетные мировые судьи. Законодатель обосновал необходимость введения этого элемента в механизм мировых судов необходимостью «облегчения исполнения обязанностей мирового судьи»⁵. Почетные мировые судьи не получали вознаграждения.

¹ Ibid. P. 231.

² Далее УГС.

³ См.: Барац Г. Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести. СПб., 1893. С. 23.

⁴ Neuberger J. Ibid. P. 232.

⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ч. III. С. 34.

граждения, не имели своего участка и творили правосудие только в тех случаях, когда стороны сами обращались к ним с соответствующей просьбой. Кроме того, почетные мировые судьи могли замещать участковых мировых судей и участвовать в работе окружного суда, восполняя недостаток его членов. При этом большинство судей в заседании должны были принадлежать к постоянному составу окружного суда; а поскольку судебное присутствие состояло из трех судей, то участие в заседании двух почетных мировых судей становилось поводом для кассации¹.

Второй инстанцией являлся коллегиальный орган – съезд мировых судей. Он представлял собой периодическое собрание как почетных, так и участковых мировых судей каждого мирового округа. Мировой съезд выступал в качестве апелляционного суда и органа управления мировым округом, составляя указы для судей.

Третьей инстанцией – кассационной – был Сенат².

Главная особенность мирового суда – его компетенция. В юрисдикции мировых судей находились иски по личным обязательствам и договорам ценной не более 500 рублей; о компенсациях за ущерб и убытки, не превышающим ту же сумму; о «личных обидах и оскорблениях»; иски о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более шести месяцев и т.д.³

В таком виде мировая юстиция функционировала почти два десятилетия. Как пишет С.В. Лонская, учреждение и развитие мировых судов в первые 25 лет после издания судебных уставов – «время апробации заложенных в них принципов и конкретных юридических норм, время накопления опыта и корректировки пробелов, ошибок, заблуждений»⁴. С одной стороны, мировые суды стали пользоваться большой популярностью у населения. Об этом свидетельствует рост обращений населения, внимание со стороны общественности к заседаниям суда⁵. Так, к 1887 г. в Курской губернии на одного мирового судью приходилось 230 дел в год⁶.

С другой стороны, по мере развития мировые суды столкнулись с рядом проблем как кадрового, так и организационного характера. Многие из мировых судей не имели специальной юридической подготовки. А чрезмерная зависимость мировых судей от земских собраний стала предметом критики многих юристов. «Некомпетентность избирателей в оценке требуемых от судьи качеств, партийная борьба, зависимость судей от небольшого числа

¹ Судебные уставы императора Александра II с комментариями и разъяснениями. Учреждение судебных установлений / сост. С.Г. Щегловитов. СПб., 1884. С. 8.

² См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 12–18, 42–63.

³ См.: Устав гражданского судопроизводства. Ст. 29. Здесь и далее ссылки даны по официальному изданию: Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ч. I.

⁴ Лонская С.В. Указ. соч. С. 35.

⁵ См., например: РГИА. Ф. 1405. Оп. 68. Д. 2105. Л. 1; ГАБО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6; Ф. 110. Оп. 1. Д. 1 Л. 2–7; Д. 2. Л. 3–6.

⁶ См.: Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1888 г. Курск, 1887. С. 11–12.

избравших их лиц и угодничество перед ними сказались и у нас на практике не только в провинции, но даже в столицах», – отмечал Е.В. Васьковский¹. В ряде губерний утратила значение идея мирового судьи как «местного»: земские собрания зачастую могли избирать лиц из других губерний. Так, в Курской губернии в мировые судьи были избраны потомственные дворяне Московской и Петербургской губерний².

В целом современные исследователи приходят к заключению, что, вопреки традиционной точке зрения, мировым судьям не удалось обеспечить, особенно в сельской местности, задуманный реформой 1864 г. правопорядок. Например, Т. Пирсон считает, что, по существу, имел место провал мирового суда как института, и среди причин провала автор называет «отсутствие достаточно усердного и политически надежного (с точки зрения правительства) персонала»; местные «институциональные конфликты, порожденные фрагментарными реформами 1860-х» и во многом являющиеся отголосками конфликтов министерств; и, наконец, тотальное невежество, бедность и пассивность сельского населения³. Неудачи мировых судов выявили трудность введения сложной системы права, основанного на западных моделях, в чрезвычайно отсталом (по европейским меркам) традиционном обществе, привыкшем к прямому администрированию. Этим в значительной степени объясняется тот факт, что многие мировые судьи и вообще сельские жители требовали введения более эффективной судебной власти⁴.

Перед нами пример вызванного судебной реформой конфликта формальных и неформальных институтов, который требовал разрешения. Иллюстрирующих его примеров достаточно. Скажем, исследователь Дж. Нойбергер обращал внимание на то, что петербургский мировой суд все чаще стал выносить решения «по закону», а не «по совести» или «личному убеждению»⁵. Анализ отчетов о слушании дел в мировых судах Петербурга позволил автору констатировать сохранение «сильного чувства обычного права»⁶. Не случайно на рубеже 80–90-х гг. XIX в. в правительственных кругах вновь возникла и серьезно обсуждалась идея восстановления совестных судов⁷.

Итак, кадровые, организационные слабости мировых судов в сочетании

¹ Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 63.

² См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 3л. Д. 102. Л. 1 об;

³ Pearson T. Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1984. Bd. 32. S. 54–55; См. также: Щедрина Ю.В. Суды российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии). Курск, 2007; Лонская С.В. Указ. соч.; Baberowski J. Autocratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. – Frankfurt am Main, 1996.

⁴ Pearson T. Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889. S. 55.

⁵ Neuberger J. Popular legal cultures. The St.Petersburg mirovoi sud // *Russia's Great reforms, 1855–1881*. Bloomington, 1994. P. 241.

⁶ Ibid. P. 242.

⁷ См.: Барац Г. Указ. соч. С. 1.

с недостатками земского и крестьянского самоуправления, а также с учетом крестьянского недоверия к выборным чиновникам поставили на повестку дня вопрос о реформировании мировой юстиции. Рубежом между первым и вторым этапами стала реформа 1889 г., в соответствии с которой упразднялись участковые мировые судьи¹. Обратим внимание, что произошло свертывание института мировых судей прежде всего в сельской местности, но не полный отказ от него. Во-первых, реформа затронула только 37 центральных губерний, во-вторых, сохранялись должности почетных мировых судей. В-третьих, сохранился мировой суд в столицах и крупных городах: Астрахани, Вильно, Казани, Кишиневе, Нижнем Новгороде, Одессе, Саратове, Харькове². Число участковых мировых судей по России сократилось с 1888 по 1897 г. в 1,9 раза (с 2 022 до 1 072 чел.), а почетных – в 1,2 раза (с 3 858 до 3 290 чел.)³.

Вместо участковых мировых судей вводились новые органы, различавшиеся по своим функциям. Одни из них являлись исключительно судебными – это были городской судья и уездный член окружного суда. Другие представляли собой административно-судебные органы, то есть имели право разбирать как судебные, так и административные дела. Таковыми стали земские участковые начальники, уездные съезды и губернские присутствия. Первые состояли в ведомстве Министерства юстиции, вторые – Министерства внутренних дел.

Земские начальники назначались губернатором с последующим утверждением их министром внутренних дел из среды потомственных дворян⁴. В губернских и уездных городах учреждалась должность единоличного городского судьи⁵. Он назначался министром юстиции в соответствии с требованиями, предъявляемыми к судьям коронных судов. Земским участковым начальникам и городским судьям были подведомственны следующие категории дел: «иски на сумму до 500 руб., возникающие по найму земельных угодий и земельному найму на сельские работы, в сельскохозяйственные должности и в услужение; иски о восстановлении нарушенного владения, когда со времени нарушения прошло не более шести месяцев; иски о потрах полях и других угодий, когда сумма иска не превышает 500 руб.; все личные иски по прочим договорам и обязательствам о движимом имуществе на сумму не свыше 300 руб.»⁶.

¹ См.: ПСЗ-III. Т. 9. № 6483.

² См.: Немытина М.В. Указ. соч. С. 113.

³ Подсчитано по: Высочайше учрежденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части (далее Комиссия). Подготовительные материалы. Т. 2. СПб., 1894. С. 22–23; Обнинский П. Еще о мировом институте // Юридический вестник. 1888. Кн. 5. С. 111.

⁴ См.: Положения о земских участковых начальниках // Сборник узаконений о крестьянских и судебных учреждениях, образованных по закону 12 июля 1889 г. Ч. 1. СПб., 1901. Ст. 6, 10.

⁵ См.: Правила об устройстве судебной части и производстве судебных дел в местностях, в которых введено Положение о земских участковых начальниках // Сборник узаконений о крестьянских и судебных учреждениях... Разд. 1. Ст. 4.

⁶ См.: Правила об устройстве судебной части... Разд. 2. Ст. 20.

Апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных земскими участковыми начальниками и городскими судьями, являлся уездный съезд в составе уездного предводителя дворянства, уездного члена окружного суда, почетных мировых судей, городских судей, земских начальников уезда. Кассационной инстанцией для дел, рассмотренных земскими участковыми начальниками и городскими судьями, выступало губернское присутствие. Его судебный состав образовывали губернатор, губернский предводитель дворянства, вице-губернатор, прокурор окружного суда или его товарищ и два члена окружного суда.

Дела, которые по судебным уставам были отнесены к подсудности мировых судей, но теперь выходили за пределы компетенции земских участковых начальников и городских судей, были переданы уездным членам окружного суда, назначаемым министром юстиции. К их компетенции относились все дела, возникавшие в уездах и неподсудные земскому участковому начальнику и городскому судье¹. Апелляционной инстанцией для уездного члена окружного суда выступал окружной суд, а кассационной – Сенат².

Оценки реформы 1889 г. неоднозначны. Современники по-разному относились к изменениям в судебной системе. Представители губернской администрации однозначно положительно восприняли это мероприятие. В подготовительных материалах Комиссии Н.В. Муравьева содержатся отзывы представителей административной власти о состоянии суда. Доминирующая мысль – критика мирового суда, в основном за формализм и медлительность, и положительная оценка административно-судебных институтов, которые, по мнению многих губернаторов, больше соответствовали правовому менталитету населения, в основной своей массе не понимавшего необходимости разделения на низовом уровне суда и административных органов³. Представители судебной системы, наоборот, однозначно негативно отреагировали на введение института земских начальников, видя в нем резкое расхождение с принципами рационального судоустройства⁴. В научном сообществе рассматриваемого периода преобладало критичное отношение к данной реформе⁵. Аналогичная оценка, но уже больше по идеологическим мотивам, была

¹ Там же. Разд. 1. Ст. 29.

² Ст. 48–49 Положение о земских участковых начальниках...; ст. 6, 14 Правил об устройстве судебной части...

³ См.: Отзывы представителей административной части о состоянии судебной части // Комиссия. Подготовительные материалы. Т. X. СПб., 1895. С. 1–24; см. также: Министерство юстиции за сто лет. С. 214–215.

⁴ См.: Отзывы представителей административной части о состоянии судебной части. С. 16–17.

⁵ См., например: Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 64–65; Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. С. 168–171; Титов А. О мировых судьях и земских начальниках. М., 1906.

принята в советской историографии¹. На современном этапе явно обозначилась различные подходы, представленные в работах А.С. Смыкалина², М.В. Немытиной³ и др.⁴

Выразим свое отношение к данной проблеме, основываясь на методологических приемах исторического институционализма. Уже первые шаги по применению судебных уставов 1864 г. выявили, как верно указывал М.Н. Катков, «несоответствие между отдельным узаконением и общими основаниями государственного права России»⁵. К.П. Победоносцев, который участвовал в подготовке уставов 1864 г. и стал впоследствии идеологом политики, проводимой правительством Александра III, подчеркивал, что «такой суд не может быть опорой государства»⁶. Базовые принципы судебной реформы, конечно, вошли в конфликт с существующей социально-политической системой иерархического и патриархального государства, где, как верно отмечает историк У. Вагнер, правительство и администрация привыкли действовать, не считаясь с законом⁷.

Однако как раз правительство, будучи главным критиком судебных уставов и имея возможности и мотивы их отменить, и стало важнейшим фактором их сохранения. Причиной такой амбивалентности можно считать, во-первых, бытовавшее в правительственной среде убеждение, что независимая юстиция является важным атрибутом любого цивилизованного государства, во-вторых, осознание того факта, что современная правовая система необходима для обеспечения дальнейшего экономического роста. Именно интересы экономического развития, в сочетании с боязнью его отрицательных побочных эффектов, явились важнейшим фактором формирования пореформенной политики правительства по отношению к системе правосудия⁸.

Н.В. Муравьев, возглавлявший Министерство юстиции в 1894–1905 гг., считал институты судебной реформы не соответствовавшими «особенностям государственного и общественного быта»⁹, но при открытии судебной палаты в Иркутске 2 июля 1897 г. говорил о том, что судебные уставы фиксировали «совершенные формы суда и высокие начала судебного производства» и

¹ См., например: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1965; Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80-х–90-х гг. XIX века в России (государственно-правовая характеристика): дисс. ...канд. юрид. наук. Л., 1977.

² См.: Смыкалин А. Судебная контрреформа конца XIX века: миф или реальность // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 42–45.

³ Немытина М.В. Указ. соч. С. 117.

⁴ См.: Лонская С.В. Указ. соч. С. 36–47; Щедрина Ю.В. Указ. соч. С. 124–125.

⁵ Московские ведомости 23 января. 1884 (передовая).

⁶ Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. Т. I. Полутом 1. М.; Пг., 1923. С. 69.

⁷ Wagner W. Tsarist legal policies at the end of the nineteenth century: A study in inconsistencies // Slavonic and East European Review. P. 391–394.

⁸ Ibid. P. 391.

⁹ Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений // Комиссия: Труды. Т. 1.

представляли итог «того, до чего в течение целых столетий додумалось человечество в области правосудия»¹.

Законодательные новеллы, обычно называемые контрреформами, были направлены на расширение и усиление правительственного контроля над правосудием для того, чтобы обеспечить общественный порядок и политическую стабильность в стране. Они касались как системы судоустройства, так и вопросов юрисдикции судов. Однако эти изменения не носили принципиального характера, особенно в области судоустройства и судопроизводства по делам частного права. Наблюдения показывают, что основные изменения и ограничения касались почти исключительно области уголовного права. Развитие гражданского права в этот период являло собой разительный контраст с уголовным: так, юрисдикция судов по частнопроводным спорам постоянно расширялась, в них были включены вопросы, касающиеся наследования, залога, акционерных компаний и трестов, трудовых конфликтов, семейных дел и пр.² Была уточнена юрисдикция коммерческих судов, высшей инстанцией для которых стал Четвертый департамент Сената. Все эти процессы сопровождались соответствующим развитием законодательной базы.

Введение института земских участковых начальников – единственное достижение контрреформаторов в сфере правосудия по делам частного права, но эта реформа как раз стала средством решения институционального конфликта, с помощью отчасти апробированных средств: был сделан выбор в пользу прямого администрирования, в ущерб судебным процедурам. Конечно, нужно было наводить порядок в деревне, но соединение в лице земского начальника судебной и исполнительной власти таило опасность: такая система эффективна при одном условии – осуществление указанных функций людьми, которые не требуют никакого контроля, не нуждаются ни в каких сдерживающих инструментах. По сути, это идеальные люди, которые в реальной жизни просто отсутствуют. В противном случае законность может вытеснить произвол.

Еще одним следствием реформы стало усложнение системы судов, рассматривавших частнопроводные споры, и увеличение числа производств, но это не носило критического характера, а в некоторых случаях (об этом речь пойдет ниже) сопровождалось улучшением. Кроме того, современники обоснованно говорили о «спутанности ведомств, в том смысле что судебный орган, состоящий в Министерстве юстиции, каковым является городской судья, в инстанционном порядке подчинен органам Министерства внутренних дел (уездному съезду и губернскому присутствию)»³.

Но все-таки заметим, что мировой суд не был уничтожен полностью. Была лишь разрушена относительно единая его система, в силу чего вернее

¹ Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности: Речи и сообщения. Т. 2. СПб., 1900. С. 412.

² Wagner W. Tsarist legal policies at the end of the nineteenth century: A study in inconsistencies // Slavonic and East European Review. P. 390.

³ Познышев С.В. Указ. соч. С. 63.

говорить не о его ликвидации, а о реорганизации. И еще одно замечание: последние исследования показывают, что среди крестьянства институт земских начальников (большинство земских начальников ранее занимали должности мировых судей) в большинстве своем не вызывал негативного отношения¹, что указывает на специфику отечественного контекста, в который пытались поместить импортированный институт.

Следующая реформа мирового суда состоялась в 1912 г. Конечно, в ее основе лежали стремления упорядочить судебную систему. Как отмечал сам министр юстиции, множество инстанций на местах приводило к частым спорам о подсудности². Но, по всей видимости, стоит согласиться с мнением ученых, которые связывают закон 15 июня 1912 г. «О преобразовании суда в сельских местностях» со столыпинской аграрной реформой. Она делала в перспективе бессмысленным дальнейшее существование институтов земских начальников и волостных судов. Их упразднение, а значит, и передача административных и судебных функций соответствующим органам были лишь вопросом времени³.

В соответствии с законом были ликвидированы все органы, созданные в ходе реформы 1889 г., а вместо них вновь введены участковые мировые судьи. Они должны действовать как в городах, так и в уездах. Как и раньше, уезд с находящимися в нем городами составлял мировой округ. Петербург и Москва образовывали отдельные мировые округа. Мировые округа делились на мировые участки, в каждом из которых состоял участковый мировой судья. Кроме участковых мировых судей, существовали еще добавочные и почетные мировые судьи. Добавочные мировые судьи назначались мировым съездом для замещения участковых в случае их устранения, отсутствия, смерти или болезни или для помощи им в случае чрезмерного обременения их делами. Почетные мировые судьи не имели мировых участков, а состояли при мировом округе и могли отправлять судебные функции в пределах всего округа при условии, «когда обе стороны обратятся к его посредничеству» (ст. 46 УСУ)⁴.

Мировые судьи избирались уездными земскими собраниями, а в крупных городах – городскими думами, после чего утверждались первым департаментом Сената. Срок полномочий судей – три года. Но появилась норма, по которой участковые и добавочные мировые судьи, прослужившие по выборам трехлетие, при следующих выборах в том же судебном-мировом округе избирались на шесть лет.

¹ См., например: Безгин В.Б. Деятельность земских начальников в обыденном восприятии крестьян (конец XIX – начало XX вв.) // Власть и общество в России: традиции и современность. Рязань, 2008. С. 267–273.

² Цит. по: Завадский А.В. О проекте министра юстиции о преобразовании местного суда. Казань, 1908. С. 2.

³ См., например: Лонская С.В. Указ. соч. С. 141–145.

⁴ ПСЗ-III. Т. 32. № 37328.

Закон от 15 июня 1912 г. существенно расширил подсудность мирового суда. В сфере частного права мировые судьи разбирали споры по искам стоимостью до 1 тыс. руб.¹ Кроме того, в компетенцию мировых судей включили дела, «сопряженные с интересом казенного управления»².

Апелляционной инстанцией для мировых судей по-прежнему был съезд мировых судей, но теперь он представлял собой собрание почетных, участковых и добавочных мировых судей мирового округа. Во главе его стоял председатель, теперь назначаемый императором по представлению министра юстиции. В Петербурге, Москве, Харькове, Саратове, Кишиневе, Одессе и Казани председатель мирового съезда избирался на три года мировыми судьями³.

Кассационной инстанцией для мировых судей был Сенат.

Коронные суды, к которым относились окружные суды, судебные палаты, Сенат, рассматривали основную массу споров, касавшихся частного права. В основе их организации лежали, во-первых, принцип территориальной подведомственности; во-вторых, принцип минимизации судебных инстанций (в последнем случае речь идет о введении принципа двух инстанций или однократного пересмотра по существу в апелляционном порядке дел, решенных окончательно); в-третьих, отличие апелляционной проверки от кассационного надзора за правильностью судебных решений. Исходя из этого вся территория страны делилась на судебные округа, включавшие, как правило, несколько уездов. Во главе каждого округа стоял окружной суд, который являлся судом первой инстанции для дел, выходивших за пределы подсудности местных судов. Суд состоял из председателя, его заместителей (товарищей) и членов. Все судьи распределялись по отделениям. Обычно суд состоял из одного гражданского и двух уголовных отделений⁴.

Несколько округов окружных судов образовывали округ судебной палаты, которая являлась апелляционной инстанцией для окружного суда. Наряду с этим она обладала надзорными функциями. Судебные палаты состояли из департаментов. Каждый из них возглавлял председатель, а в его состав входили судьи, которые назывались членами судебной палаты. Руководил работой судебной палаты старший председатель⁵.

Кассационной инстанцией являлся Сенат. В соответствии со ст. 5 УСУ, Сенат «в качестве верховного кассационного суда, не решая дел по существу в общем порядке судопроизводства, наблюдает за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением всеми судебными установлениями империи». Сенат состоял из департаментов, которые, в свою очередь, делились на отделения. Кроме кассационных департаментов, в Сенате действовали общее собрание кассационных департаментов, общее собрание первого

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 873. Л. 4.

³ Там же.

⁴ РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7566. Л. 64об; Ф. 1405. Оп. 70. Д. 5637. Л. 7.

⁵ См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 110–113.

и кассационных департаментов, соединенное присутствие первого и гражданского кассационного департамента, соединенное присутствие первого и кассационных департаментов. Они в предусмотренных законом случаях выступали кассационной инстанцией для определенных категорий дел или проверяли законность судебных решений в порядке надзора¹.

Специальные суды

После судебной реформы сохранились и продолжали действовать специальные суды, рассматривавшие гражданско-правовые споры, однако они претерпели определенные модификации: одни сохранились и были интегрированы в формирующуюся судебную систему, другие перестали существовать, а на смену им появились новые. В числе сохранившихся после судебной реформы 1864 г. фигурировали коммерческие суды, численность которых постепенно сокращалась. В конце концов, в начале XX в. в России действовали только четыре суда: в Петербурге, Москве, Одессе и Варшаве. Судебная реформа 1864 г. не затронула коммерческие суды, как предполагает И.Д. Архипов, в силу того что они имели единый источник – французскую правовую систему², но породила спор об их дальнейшей судьбе. Исследование И.Д. Архипова позволяет сделать вывод, что вплоть до 1917 г. противостояли две точки зрения. Согласно первой, поддерживаемой, главным образом, Министерством юстиции, проводившим курс на унификацию судопроизводства и судопроизводства в России, коммерческие суды полагалось ликвидировать, а торговые споры рассматривать в порядке гражданского судопроизводства³. Второе, противоположное мнение нашло сторонников преимущественно в Министерстве финансов и Министерстве промышленности и торговли. Они стали транслятором позиции купечества, которое рассматривало коммерческие суды как средство лоббирования своих интересов⁴.

В итоге при относительной неопределенности в вопросе о дальнейших преобразованиях судебной системы в целом не был решен вопрос о коммерческих судах, которые после судебной реформы занимали как бы промежу-

¹ Там же. Ст. 114–119.

² См.: Архипов И.В. Модернизация торгового права и коммерческого процесса России в XIX – начале XX вв.: дис. ...докт. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 247; Парижский коммерческий суд: устройство коммерческих судов во Франции // Журнал Министерства юстиции. 1862. № 11. С. 459–462.

³ См., например: РГИА. Ф. 1261. Оп. 2. Д. 164 «А». Л. 19–173; Ф. 1287. Оп. 38. Д. 636. Л. 1–9; Ф. 1405. Оп. 64. Д. 7628 «А». Л. 175–184; Оп. 70. Д. 5721. Л. 1, 120–122; Оп. 515. Д. 28. Л. 1–8; Д. 181. Л. 50–56; Материалы по торговому праву и коммерческим судам. Печатные записки. Ч. 12. СПб., 1872; Комиссия. Труды. Т. 9. СПб., 1899; К вопросу о коммерческих судах // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1901. № 9; Объяснительная записка к проекту Устава торгового судопроизводства // Комиссия. Подготовительные материалы. Т. 5. СПб., 1894. С. 44–87; Журнал Министерства юстиции. 1862. № 11. С. 43–65.

⁴ См.: Архипов И.В. Указ. соч. С. 247–298.

точное положение между старыми и новыми судами. Оно объясняется двойственностью принципов, заложенных в их основание. С одной стороны, коммерческие суды в своей деятельности основывались на принципах состязательного процесса. С другой – они явно контрастировали с идеей унификации судебной системы и имели достаточное количество рудиментов от дореформенных судов. До коммерческих судов у Министерства юстиции так и не дошли руки главным образом потому, что их деятельность не вызвала серьезных нареканий. Мероприятия по ликвидации коммерческих судов не подкреплялись соответствующими мерами материального права, вопрос об объединении гражданского и торгового права так и не был решен, торговые обычаи оставались одним из основных источников торгового права, а кодифицировать их не удалось. Для судей общих судов они в значительной мере оставались «terra incognita».

После проведения судебной реформы 1864 г. системы коммерческих и общих судов были основаны на единых принципах процесса, и ни одна из них существенно не превосходила другую. Если общие суды были современны, более последовательно проводили принципы состязательного процесса, то коммерческие суды компенсировали свое отставание в этой области за счет специализации и скорости рассмотрения дел¹.

Состав суда формировался на принципе паритетного представительства, соединяя в себе выборный купеческий элемент с назначенным чиновным элементом². Ведомство каждого коммерческого суда распространялось на тот город, где он находился, и на уезд этого города³. Территориальная подсудность определялась местом нахождения спорного имущества, торгового заведения или временным пребыванием ответчика. С точки зрения предметной подсудности, в коммерческих судах по-прежнему рассматривались три категории дел: торговые, вексельные и дела о торговой несостоятельности⁴. Следует иметь в виду, что в коммерческих судах разбирались споры, возникавшие внутри товарищества, между его участниками, а также споры между хозяевами и приказчиками.

Апелляционной инстанцией для коммерческих судов являлся Сенат.

Еще одним пережившим судебную реформу стал церковный суд. Надо полагать, законодатель не желал подорвать авторитет церкви посредством вынесения рассмотрения дел священнослужителей в открытом процессе⁵. Тем не менее важно было сохранить контроль за лицами духовного звания, что эффективнее можно было сделать через суд. Еще одной причиной сохранения церковного суда стало то обстоятельство, что светские власти не решались взять на себя ответственность за рассмотрение спорных вопросов в области веры. Свою роль сыграла специфичность форм права, которые ис-

¹ Там же. С. 276–297.

² См.: Коммерческие суды. Устав торговый. СПб., 1883.

³ Устав судопроизводства торгового. Ст. 47.

⁴ См.: Васьковский Е.В. Указ. соч. С. 138–139.

⁵ Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ч. II. С. 372.

пользовались при разрешении споров. В результате между правительством и Синодом был достигнут компромисс. Российское законодательство сохранило те основные начала, на которых изначально строился духовный суд: письменность производства, розыскной процесс, отсутствие гласности. Система церковного суда мало изменилась. Основным звеном по-прежнему выступал епархиальный суд в виде духовного суда Консистории, состоявший из нескольких назначенных Синодом судей. С 1869 г. численность судебного присутствия провинциальных духовных консисторий составляла четыре человека. В Москве и Петербурге действовало несколько присутствий¹. Консистория выступала в качестве суда первой инстанции по жалобам и заявлениям и являлась второй инстанцией в отношении дел, рассматриваемых благочинными. Решение Консистории мог пересмотреть Синод, выступавший в данном случае второй инстанцией.

Большие изменения коснулись компетенции церковного суда², которая существенно сократилась после реформы 1864 г. Она включала дела прежде всего брачно-семейного характера: о признании брака недействительным в связи с несоблюдением условий его заключения; о расторжении браков в случае прелюбодеяния одного из супругов, лишения его правоспособности, безвестного отсутствия. Кроме того, церковный суд должен был рассматривать гражданско-правовые споры лиц духовного звания, в частности связанные с «обидами и нарушениями бесспорных обязательств и по просьбам о побуждении уплаты бесспорных долгов», о спорах между лицами духовного звания относительно церковной собственности³. Но после судебной реформы категория бесспорных дел перестала существовать, а споры между лицами духовного звания приобрели внутриорганизационный характер. Следовательно, эти категории дел потеряли значение, что лишний раз указывает на существенное сокращение подсудности церковного суда в сфере частного права. Этот суд окончательно трансформировался в специальный, разрешая в основном брачные дела светских лиц⁴.

Следует отметить существование суда архиерея и Благочинного совета, но их компетенция ограничивалась рассмотрением жалоб и дел по маловажным проступкам духовенства⁵.

¹ См.: Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Указ. соч. Т. 3. С. 760.

² См.: Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879. С. 240

³ РГИА. Ф. 1363. Оп. 8. Д. 584. Л. 3.

⁴ См, подробнее: Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII– начала XX вв.: автореф. дисс. ...докт. юрид. Наук [Электронный ресурс]. URL <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/yuridicheskie/22-09-2008> (дата обращения: 30.09.08); Харланов В.Л. Церковно-судебная практика Оренбургской епархии (1864–1918 гг.). Челябинск, 2004.

⁵ Краткий курс церковного права православной церкви / сост. И.С. Бердников. Казань, 1913. С. 91–92.

Новым специальным судом стали крестьянские суды, созданные по итогам аграрной реформы 1861 г.¹ Судебная реформа 1864 г. их сохранила. По всей видимости, авторы судебных уставов рассматривали их как временное явление и стремились таким образом обеспечить адаптацию крестьян к российским законам, освоение ими способов защиты своих прав и интересов². Важно помнить огромную роль, которую играл обычай в жизни крестьянского населения. Можно с полной уверенностью говорить о существовании особой правовой системы традиционного характера и специфической правовой культуры подавляющего большинства населения страны³. Обычное крестьянское право было мало знакомо специалистам. К тому же передача множества мелких дел в государственные суды могла привести к кризису в их работе, поскольку те не обладали необходимыми кадровыми и финансовыми ресурсами.

Главное место среди крестьянских судов занимала волостная юстиция. Волостной суд состоял из 4–12 судей, избираемых на один год волостным или сельским сходом. Закон декларировал независимость суда от сельской администрации: волостной старшина и староста не имели права вмешиваться в его работу. Но в первые годы его существования встречались случаи, когда в волостной суд входил и сельский староста⁴. В итоге в 1886 г. Сенат специальным указом запретил сельским старостам избираться на должность волостных судей⁵. Однако на практике наблюдалась явная зависимость волостных судей, прежде всего, от волостного схода, который, как уже отмечалось, и избирал судей, и назначал им жалование⁶.

Территориальная подсудность волостного суда ограничивалась исключительно волостью⁷. В компетенцию волостного суда входили споры и тяжбы между крестьянами до 100 руб. включительно. В случае если сумма иска превышала указанную, дело разрешалось в суде только по обоюдному согласию сторон. Все решения по спорам ценой иска до 100 руб. являлись окончательными и не подлежащими обжалованию. В условиях разнообразия обычаев и невозможности знакомства с ними никаким другим путем, кроме как со-

¹ См.: Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Российское законодательство X–XX веков. Т. 7: Документы крестьянской реформы. М., 1989. С. 57–60.

² Оршанский И.Г. Указ. соч. С. 213.

³ Так, по наблюдению М.И. Зарудного крестьянам были чужды, например, понятия «кассационное» и «апелляционное» (см.: Зарудный М.И. Законы и жизнь: Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. С. 87).

⁴ Зарудный М. И. Указ. соч. С. 150.

⁵ См.: Крестьянское право по решениям Правительствующего Сената. СПб., 1913. С.40.

⁶ См.: Журнал высочайше учрежденной комиссии о волостном суде. Б. м, б. г. С. 2; Земцов Л.И. Волостной суд в России... С. 13; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 2. Владимирская и Московская губернии. СПб., 1873. С. 51, 322; Труды комиссии по преобразованию волостных судов. Т. 3. Ярославская, Костромская и Нижегородские губернии. СПб., 1873. С. 299, 355;

⁷ Крестьянское право по решениям Правительствующего Сената. СПб., 1913. С. 35.

циализации, была невозможна апелляция или кассационная проверка правильности постановленного решения. Это имело и негативные последствия в виде неправомерных приговоров.

Как отмечал позднее курский дворянин Н.Ф. Касаткин-Ростовцев, в крестьянской среде на обычное право ссылаются для того, «чтобы постановить неправоисудность решения»¹. Тем не менее ст. 127 Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, допускала возможность подать жалобу на сельских и волостных должностных лиц мировому посреднику. Тот самостоятельно рассматривал жалобы на сельскую администрацию, а жалобы на волостных должностных лиц передавал уездному мировому съезду. Уездный съезд мировых посредников мог отменить приговоры только в случае нарушения подсудности, превышения меры взыскания, рассмотрения дела без вызова сторон. В случае нарушения съезд не решал дело по существу, а передавал его на новое рассмотрение по принадлежности – в соответствующий волостной суд или в общие суды.

Качество работы мировых посредников как надзорной инстанции вызывало нарекания². В 1874 г. мировые посредники и их съезды были упразднены. Их функции, в том числе и в отношении волостного суда, перешли к уездным по крестьянским делам присутствиям, которые работали под руководством местного предводителя дворянства и состояли из уездного исправника, председателя уездной земской управы и одного из почетных мировых судей и др.

Первое десятилетие функционирования волостного суда вызвало разные мнения. Доминировали негативные оценки. Современники отмечали такие недостатки суда, как безграмотность судей, засилье писарей, формальное решение дел, давление со стороны администрации, взяточничество, пьянство судей, кумовство и др.³ Исследователь К. Фраерсон, изучавшая деятельность волостных судов 23 губерний Европейской России в последние десятилетия XIX в., основываясь главным образом на материалах Тенишевского этнографического бюро, пришла к выводу о том, что материалы прессы и свидетельства современников рисуют жалкую картину всеобщего пьянства, продажности и хаоса⁴. Как верно отмечает Л.И. Земцов, многие проблемы в работе волостных судов были связаны, с одной стороны, с неудовлетворительным состоянием законодательной базы, а с другой стороны, с отсутствием должной

¹ Журналы совещаний Курского губернского совещания по пересмотру законоположений о крестьянах. Курск, 1904. С. 21.

² См., например: РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3482а; Местные крестьянские учреждения 1861, 1871 и 1889 гг. Ч. 1–2. СПб., 1911. Ч. 2. С. 57

³ См., например: Государственный архив Тульской области (далее ГАТО). Ф. 145. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–45; Зарудный М.И. Указ. соч. С. 172–179; Судебная реформа. Т. 2. С. 137.

⁴ См.: Frierson C.A. «I must always answer to the law...»: Rules and responses in the reformed volost' court // Slavonic and East European rev. L., 1997. Vol.75, N 2. P. 313.

помощи от местных властей¹. Как показывают исследования, реформа 1874 г. не дала ощутимых результатов². Были начаты подготовительные работы по преобразованию волостного суда (работа комиссий М.Н. Любошинского – М.И. Зарудного, М.С. Каханова), но они оказались безрезультатными.

Серьезная модернизация волостного суда произошла в рамках реформы 1889 г.³ Во-первых, корректировался состав волостных судов, которые состояли теперь из четырех судей. Примечательно, что допускалась возможность возложения обязанностей председателя на местного волостного старшину, что вызвало волну критики со стороны специалистов и общественности. Во-вторых, изменился порядок формирования состава волостных судей. По новому закону, каждое сельское общество избирало одного кандидата в волостные судьи. Общее число кандидатов не должно быть менее восьми. Из них земский начальник утверждал четырех в качестве судей на три года. В-третьих, изменилась подсудность волостного суда. Суд рассматривал дела ценой иска до 300 руб. Расширил законодатель и круг лиц, подведомственных волостному суду. Теперь к его ведению относились мещане, ремесленники, посадские и цеховые, имеющие постоянное жительство в селении, пока не выбудут из них; крестьяне, взявшие купеческие свидетельства на право торговли, но не вышедшие из сословия сельских обывателей; питомцы воспитательных домов, находящиеся на воспитании в селениях, если они происходят из крестьян, мещан, посадских, цеховых. Таким образом, волостной суд утрачивал черты сословного органа.

В-пятых, более четкой стала процедура обжалования решений волостного суда. Жалобы на решение могли подаваться в течение 30 суток земскому участковому начальнику. Последний передавал на рассмотрение уездного съезда только те жалобы, которые указывали на явное нарушение пределов власти суда или действовавших норм, а также жалобы на решения, по которым присуждалось крупное денежное взыскание. Но заметим, что в системе обжалования существовало одно потенциальное противоречие, не устраненное реформой: волостной суд принимал решение на основе права обычного, а в уездном съезде чаще всего при рассмотрении жалобы опирались на право позитивное.

Как видим, реформа волостного суда носила неоднозначный характер. Она представляла собой попытку победить «деревенскую анархию» посредством возрождения дворянского контроля над крестьянством⁴. Но очевидны и позитивные перемены. Роль волостного суда усилилась, появилась большая четкость и определенность в его деятельности. Исследователи признают, что

¹ См.: Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007. С. 18–35.

² См.: Щедрина Ю.В. Судебные учреждения российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков (на примере Курской губернии): дисс... канд. ист. наук. Курск, 2002. С. 165.

³ См.: ПСЗ-III. Т. 9. № 6196.

⁴ См.: Frierson C.A. «I must always answer to the law...»... P. 313.

Временные правила о волостных судах внесли существенный элемент формальности в судебную процедуру, за которой должны были следить земские начальники. Для реформаторов формальность судебной процедуры являлась противовесом и профилактикой произвола. Их цели в отношении правового образования крестьян были сознательно ограничены: «они намеревались лишь ближе познакомить крестьян с законом и приучить их к процедуре обращения к нему в своих интересах»¹.

Применительно к производству по делам частноправового характера следует признать увеличение количества дел в волостных судах. В деревне сложилась достаточно хорошо сформированная судебная система, повседневно вводившая крестьян в прямой контакт с законом. Как раз по частноправовым спорам (конфликты по поводу мелких денежных сумм, ущерба собственности, наследственным делам и др.) крестьяне признавали авторитет волостных судов². Конечно, следует признать, что не выдерживал критики состав суда; основная причина непрофессионализма, а часто просто невежества – подкупность судей, податливость их на разные влияния со стороны³.

Самые значительные улучшения в организацию волостного суда были внесены законом 12 июня 1912 г., который одновременно установил более тесную связь его с мировыми судами. Власть в очередной раз отказалась ликвидировать этот вид суда, главным образом за его доступность⁴. По закону 1912 г. волостная юстиция состояла из трех инстанций. Первая – волостной суд. Он должен был быть в каждой волости и состоял из председателя, двух членов и двух кандидатов в члены. При больших размерах волостного участка мировому съезду предоставлялось право увеличить состав волостного суда до шести членов и шести кандидатов. Волостные судьи избирались и утверждались мировым съездом на три года. Вторая инстанция – верхний сельский суд. Это была апелляционная инстанция. Этот вид суда состоял из участкового мирового судьи и председателей волостных судов. Третьей – кассационной инстанцией – выступал мировой съезд.

Таким образом, волостные суды выводились из-под контроля администрации и передавались под надзор мировых судей, которые должны были не менее раза в год производить ревизию волостных судов своего участка. Мировой съезд мог издавать особый наказ для этих судов, представляемый, через старшего председателя палаты, министру юстиции. Председатели мировых съездов могли проверять деятельность верхних сельских судов. Наконец, мировому съезду принадлежала дисциплинарная власть над волостными судьями. Именно реформа 1912 г. окончательно включила волостной суд в об-

¹ Ibid. P. 332.

² Ibid. P. 333–334.

³ РГИА. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 379. Л. 164; Журналы совещаний Курского губернского совещания... С. 21.

⁴ Цит. по: Люблинский П.И. Возрождение мирового суда. СПб., 1912. С. 7.

щую судебную систему и тем самым завершила формирование системы местной юстиции, хотя ее реализация растянулась во времени¹.

Подведем итоги. Судебная реформа 1864 г. привела к созданию новой институциональной структуры правосудия по делам гражданско-правового характера. Организация общих судов была построена по иерархическому принципу. Основная часть дел подведомственна судам первой инстанции, имевшимся на всей территории страны. Над ними располагалось значительно меньшее число апелляционных судов. И венчал «пирамиду» верховный кассационный суд. Система судов была более упорядоченной и строилась на современных принципах. Основными идеями, положенными в основу ее организации, стали минимизация числа инстанций и учреждение местного судебного разбирательства, рассматривающего малозначительные вопросы.

При этом сохранялся ряд специальных судов, которые представляли собой автономные судебные подсистемы, порой лишь номинально составлявшие единую судебную систему с мировыми и коронными судами. Об этом свидетельствует и судебная политика правительства, явно направленная на унификацию судебных учреждений, слияние их в общероссийскую судебную систему. Первые шаги в этом направлении были предприняты еще в конце XIX в., в рамках так называемой судебной контрреформы. Считаем, что законодателем руководило стремление к усовершенствованию, к ликвидации недостатков действующего законодательства в сфере гражданского судоустройства и судопроизводства. Но поскольку отсутствовало единство взглядов по поводу того, что и как необходимо менять, то преобразования проводились медленно, посредством частичных изменений, сопровождавшихся некоторыми откатами назад (например, учреждение института земских участковых начальников). Больших успехов в этой области удалось достичь в ходе реформы 1912 г., добавим к этому заметное сокращение числа коммерческих судов, ограничение компетенции церковного суда. Но в целом задача создания единой судебной системы осталась незавершенной. Хотя стоит сказать, что отсутствие внутреннего организационного единства и соподчиненности судов является вполне нормальным явлением для судебной власти, более того, составляет ее специфическую черту.

Место суда в системе органов государственной власти

Важнейшим достижением судебной реформы 1864 г. стало провозглашение независимости и самостоятельности суда. Но анализ законодательства и практики его применения показывает, что эти принципы не носили абсолютного характера, а в условиях авторитарного режима имели пределы реализации, что нашло свое проявление в организации судебного управления, под которым следует понимать организационное руководство судами и контроль за их деятельностью. Считаем важным исследовать этот малоизучен-

¹ См., напр.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 543. Д. 997. Л. 44–52; Д. 1018. Л. 101.

ный аспект нашей темы, поскольку полученный эмпирический материал позволит лучше увидеть действительное положение суда в системе органов государственной власти, нежели освещение взаимоотношений судов с другими правоохранительными и исполнительными структурами, как это предлагают сделать другие авторы¹.

Исходя из двуединой конструкции судебного управления, рассмотрим каждый элемент в отдельности. Что касается организационного руководства, то по сравнению с дореформенным периодом, когда вопросы судебного управления решались, главным образом, в Министерстве юстиции, произошли значительные перемены. Судебная реформа 1864 г., провозгласившая отделение судебной власти от административной, сопровождалась передачей ряда управленческих функций самим судам. Вопросы управления в судах рассматривались на распорядительных и общих заседаниях, проходивших в закрытом режиме. Распорядительные заседания были посвящены предварительному «совещанию по делам, касающимся управления судебной частью»². Общие заседания департаментов и отделений судов выступали, по сути, главным органом судебного управления, к компетенции которого относились кадровые вопросы, обсуждение наказов судам, рассмотрение ежегодных отчетов собственных и подведомственных судов и т.п.³ Закон не содержал закрытого списка вопросов, рассматриваемых на общем собрании, и потому руководитель суда мог созвать его по любому поводу, если считал его важным.

Особо отметим право судов принимать наказы, которые являли собой форму управленческого акта. Наказы представляли собой правила внутреннего распорядка, делопроизводства суда и подведомственных ему должностных лиц и учреждений⁴. Не все признавали нормативный характер наказов. Например, С.И. Викторский утверждал, что ни общие, ни особые наказы не являлись источниками права⁵. Возможно, он писал об этом применительно к уголовному процессу, и в таком ракурсе данная точка зрения обоснованна. Однако если это общая оценка наказов, то с ней трудно согласиться. Наказы содержали необходимые признаки нормативного акта: включали правила поведения, были рассчитаны на постоянное действие, не персонифицированы, имели строго определенную документальную форму и т.д. Именно такого мнения придерживались специалисты в области гражданского процесса, отмечавшие заметную роль наказов, например, в правовом регулировании исполнительного производства⁶.

¹ См.: Попова А.Д. «Правда и милость да царствуют в судах»: Из истории реализации судебной реформы 1864 г. Рязань, 2005. С. 118–145.

² См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 150.

³ Там же. Ст. 160.

⁴ Цит. по: Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 51.

⁵ См.: Викторский С.И. Указ. соч. С. 82.

⁶ См., например: Малышев К. Курс гражданского процесса. Т. 2. СПб., 1875. С. 73; Гордон В.М. Особенности судопроизводства в коммерческих судах // Журнал Министерства

Законодательством предусматривалось два вида наказов: общий и особый. Общий наказ, по предположениям составителей судебных уставов, должен был аккумулировать организационные и процедурные нормы, регулировавшие внутреннее устройство судов. Несмотря на то что проекты общего наказа готовились несколько раз, он так и не был принят. Особый наказ был примерно такого же содержания, но применительно к конкретному суду, который его же и принимал на общем собрании. Обязательным условием было представление наказа министру юстиции для подтверждения соответствия этого акта законам¹. Особые наказания получили широкое распространение в стране. Большая часть судов считала необходимым принять такие документы, поскольку они позволяли, во-первых, устранить пробелы в правовом регулировании деятельности отдельных подразделений суда, так как, по словам членов Харьковской судебной палаты, «на многие вопросы нет ответов в законах»², а во-вторых, разъяснить порядок применения законодательных норм.

Некоторые вопросы управления принадлежали к компетенции Первого департамента Сената, который утверждал в должности мировых судей, разрешал споры о подсудности между судебной и административной властью, разъяснял вопросы, касавшиеся статуса мировых судей³.

Серьезные полномочия по судебному управлению оставались за Министерством юстиции. Его функции в этой сфере можно разделить на несколько групп. Первая из них – организационная. Министерство юстиции создавало, упраздняло и реорганизовывало коронные суды, вводя в действие судебные уставы. Практически сразу министром юстиции Д.Н. Замятниным была отвергнута идея об одновременном открытии мировых и общих судов во всех губерниях, во-первых, из-за отсутствия достаточных ресурсов⁴, а во-вторых, постепенная реализация судебной реформы в отдельных регионах позволила бы, по мнению министра юстиции, при неудачной адаптации иностранного опыта к российским условиям внести в законодательство определенные «исправления, необходимые для успеха при повсеместном осуществлении уставов»⁵. В итоге реализация судебных уставов растянулась на 35 лет и сопровождалась большими сложностями⁶.

юстиции. 1894. № 2; Он же. Система русского гражданского судопроизводства. Вып. 1. Ярославль, 1902. С. 18–19.

¹ См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 169–171.

² Левенстим А.А. Харьковский судебный округ. 1867–1902 гг.: Исторический очерк. Харьков, 1903. С. 88.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 91. Д. 51. Л. 93, 101; Ф. 1341. Оп. 114. Д. 282. Л. 73.

⁴ См. об этом подробнее: Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. М., 1997–2000; Милютин Д.А. Дневник: в 4 т. М., 1947–1950.

⁵ РГИА. Ф. 573. Оп. 6. Д. 7566. Л. 75; Ф. 1405. Оп. 65. Д. 3356. Л. 3.

⁶ Там же. Ф. 1405. Оп. 65. Д. 3315. Л. 1.; Оп. 68. Д. 2003. Л. 3об.; Оп. 539. Д. 347. Л. 5.

Вторая группа полномочий была связана с кадровым обеспечением судов. Министр юстиции принимал активное участие в назначении судей – либо единолично, либо путем представления кандидатур императору. Так, ему было вменено в обязанность назначать мировых судей в регионах, где не были организованы земства, а также городских судей и уездных членов окружного суда. Фактически именно министерство играло главенствующую роль в назначении судей окружных судов и судебных палат, о чем речь пойдет ниже. Анализ формулярных списков судей показывает, что именно Министерство юстиции осуществляло перемещение судей и использовало это право как инструмент повышения качества состава судей отдельных судов, переводя рядовых судей из столичных судов на руководящие должности в регионы¹.

Третья группа полномочий связана с материальным обеспечением судов. Министерство ведало всеми вопросами этого рода, начиная от выделения средств на обустройство (закупка необходимой мебели, литературы и т.д.) и заканчивая выплатой жалования судьям. Попутно отметим, что по сравнению с дореформенным периодом в данной области удалось несколько изменить ситуацию в лучшую сторону. В специальных исследованиях, посвященных реализации судебной реформы 1864 г., достаточно подробно описаны процессы выделения помещений, их ремонта и содержания. Тем не менее, надо признать, что в 1864–1917 гг. не удалось поднять на высокий уровень материально-техническое оснащение судов. Суды хотя и получили здания, но их состояние оставляло желать лучшего. Об этом свидетельствуют и данные Министерства юстиции, которое в 1913 г. составило описание всех зданий окружных судов и судебных палат. Общей проблемой было неудовлетворительное состояние помещений: теснота, неудобная планировка, плохие санитарные условия для работы².

Другие административные органы практически утратили легальные возможности оказывать управленческое воздействие на суды. Прежде всего это коснулось губернаторов, чьи возможности в отношении органов гражданской юрисдикции ограничивались проверкой списков кандидатов, представляемых на должность мировых судей, а также участием в работе особого присутствия, собираемого при судебной палате для рассмотрения дел о разногласиях между правительственными и судебными органами. Конечно, столь разительные перемены не устраивали многих губернаторов, и они старались восстановить свое влияние³. Видимо, давление было сильным, и Ко-

¹ См., например: РГИА. Ф. 1405. Оп. 66. Д. 3726. Л. 248–252; ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 199. Л. 20; Д. 3364. Л. 1; Оп. 3л Д. 384. Л. 1; Д. 386. Л. 2; Д. 387. Л. 2; Список чинам ведомства Министерства юстиции. 1907 г. СПб., 1907; То же 1913 г. СПб., 1913; Судебные уставы 1864 года за пятьдесят лет. Т. I. С. 762.

² См.: Описание помещений судебных палат и окружных судов. СПб., 1913.

³ См. о ситуациях такого рода: Громницкий М.Ф. Из прошлого // Русская мысль. 1899. № 9. С. 226; Одоевский В.Ф. Текущая хроника и особые происшествия. 1859–1869 гг. // Литературное наследство. 1935. № 22/24. С. 220.

митет министров в 1866 г. своим решением, которое Министерство юстиции было вынуждено особым циркуляром от 31 октября 1866 г. довести до сведения служащих¹, предоставил губернаторам право призывать к себе членов судебных учреждений. Перед нами яркий пример сложности внедрения в российскую управленческую действительность принципа независимости суда. Трудно установить, насколько часто применялся этот циркуляр на практике, так как вызов судьи к губернатору нигде не фиксировался. Но зато известны случаи, когда судьи отказывались выполнять данное предписание².

В 1879 г. одесский генерал-губернатор Э.И. Тотлебен выступил с предложением, чтобы мировые судьи назначались губернаторами или градоначальниками. Правительство это предложение не утвердило, но разрешило «начальникам губерний» подавать свои замечания о нравственных качествах и благонадежности лиц, избираемых земскими собраниями в мировые судьи. Реформа 1889 г. несколько расширила причастность к судебной сфере губернаторов, за которыми закреплялся надзор за земскими участковыми начальниками и руководство губернским присутствием. Но даже после реформы 1889 г. нельзя говорить о появлении у губернатора функций по судебному управлению. Тот же контроль за земскими начальниками носил во многом формальный характер³.

Нельзя не сказать об участии земств в организационном обеспечении деятельности судов. Закон предоставил им право избирать мировых судей, назначать им денежное содержание, определять границы мировых участков и т.д.⁴ Кстати, последнее полномочие принадлежало сначала Министерству юстиции, но ввиду громоздкости этой процедуры, а также частых обращений с просьбой об изменении границ и числа участков⁵, министерство передало данное полномочие земским собраниям. Но в дальнейшем Министерство юстиции полностью контролировало деятельность земств по всем направлениям, касавшимся судов⁶.

Вторым элементом судебного управления являлся контроль за судами, под которым следует понимать систему мер, направленных на наблюдение за деятельностью судов и должностных лиц судебного ведомства. Данный институт потребовалось ввести в судебные уставы в связи с тем, что судьям были предоставлены значительные полномочия и появились обширные требования к их квалификации и служебному поведению. При подготовке судебных уставов стремились заложить в основу рассматриваемого института два базовых принципа: 1) отказ от контроля за судами со стороны исполни-

¹ См.: Середонин С.М. Указ. соч. Т. 3. Кн. 1. СПб., 1902. С. 130–143.

² См.: Судебные уставы за пятьдесят лет. Т. 2. С. 492–508.

³ Либерман А.А. Институт земских начальников (1889–1905): дисс. ...канд. ист. наук. М., 1976. С. 101, 103.

⁴ См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 44.

⁵ См, напр.: ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1659. Л. 18.

⁶ См.: ГАКО. Ф. 32. Оп. 3л. Д. 349. Л. 50–51; Ф. 32. Оп. 3л. Д. 344. Л. 17–18; Попова А. Д. Указ. соч. С. 134.

тельных органов; 2) исключение иерархического подчинения судей единоличным органам. Этим обеспечивались самостоятельность суда и независимость судей. Однако конкретные законодательные решения весьма непосредственно воплощали указанные принципы. Но сначала классифицируем виды контроля за судами, предусмотренного дореволюционным законодательством. Сразу оговоримся, что следствием реализации принципа самостоятельности судебной власти стало то, что непосредственные решения судей не подлежали контролю, их можно было обжаловать в установленном законом порядке.

По субъектному основанию дореволюционные юристы различали судебный (его осуществляли сами суды), административный (Министерство юстиции) и верховный (император) надзоры¹. Но считаем целесообразным дополнить этот список (как это и делали некоторые исследователи²) прокурорским надзором, который представлял собой особый вид контрольной деятельности в дореволюционной России. В зависимости от места контролирующего органа по отношению к судебной системе можно говорить о нескольких формах контроля: 1) внутреннем, или реализуемом внутри судебной системы; 2) внешнем, или осуществляемом органами, не принадлежавшими к судебной системе. Считаем, что последняя классификация обладает большим эвристическим потенциалом для понимания места суда в государственном механизме.

Внутренний контроль имел две разновидности. Первая предполагала контроль за судебными органами со стороны вышестоящих инстанций в порядке подчиненности. Сенат, как высшая судебная инстанция, контролировал всех должностных лиц империи. Проверку судов могли осуществлять кассационные департаменты Сената. Заключение о ревизии утверждалось общим собранием кассационных департаментов и представлялось министру юстиции и императору³. Что касается контроля за деятельностью судей, то в 1877 г. по инициативе К.И. Палена было создано особое Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов Сената, в сферу ведения которого относилось привлечение к ответственности всех судебных чинов, занимавших более и менее значительное положение в служебной иерархии⁴. Полномочия Сената были существенно расширены после принятия закона от

¹ См., например: Васьковский Е.В. Указ. соч. 39–42; Викторский С.И. Указ. соч. С. 118–124; Лазаревский Н. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905; Иорланд П.А. Будущие судебные деятели. К вопросу о кандидатах на судебные должности // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 7–8. С. 1–46; Муравьев Н.В. Кандидаты на судебные должности. Вопрос судоустройства и судебной политики. М., 1886; Стаматов П. О надзоре за судебными установлениями. СПб., 1898; Стаматов П. Право судебных палат по департаментам проявлять надзор по 250 ст. Учр. суд. уст. // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 5. С. 207–216; Тютрюмов И.М. Кандидаты на судебные должности // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 10. С. 5–110.

² См., например: Познышев С.В. Указ. соч. С. 92.

³ Там же. Ст. 257.

⁴ Министерство юстиции за сто лет. С. 166.

20 мая 1885 г. По нему в составе Сената образовывалось специальное Дисциплинарное присутствие, к которому перешло право увольнения или перемещения должностных лиц судебного ведомства¹.

Выявленное усиление контролирующих полномочий Сената, если рассматривать это в системе с существовавшими требованиями при комплектовании судейского корпуса и его структурой, следует оценить в целом положительно. Дело в том что при отборе судей допускались отступления от достаточно жестких требований, к тому же в России только набирали силу процессы, связанные с формированием судейского сообщества с высоким уровнем профессионального правосознания. В этих условиях должен был существовать орган власти, который осуществлял бы контроль за судьями и привлекал виновных к ответственности. Признание принципа независимости суда делало невозможным возложение указанных полномочий на административные органы, следовательно, самым логичным было как раз закрепление их за Сенатом как высшим судебным органом в стране.

Судебные палаты контролировали окружные суды. Старший председатель палаты наблюдал за состоянием дел в окружных судах и за точным исполнением своих обязанностей всеми должностными лицами, принадлежащими к составу этих судов². О результатах проверки он сообщал председателю окружного суда или указывал на нарушение лицам, допустившим его. Закон от 15 июня 1912 г. возложил на старшего председателя палаты дополнительно надзор за мировыми судами и состоявшими при них должностными лицами³. Окружные суды контролировали деятельность своих работников⁴. Съезды мировых судей исполняли надзорные функции в отношении мировых судей их округа⁵.

Характерной чертой судебного надзора в первые два пореформенные десятилетия выступала коллегиальность. Но закон 20 мая 1885 г. предоставил старшему председателю судебной палаты право единолично осуществлять контроль над окружными судами. В случае обнаружения какого-либо нарушения, председатель мог либо поставить в известность председателя окружного суда, либо «сделать напоминание» допустившим нарушение, либо – в особо важных случаях – вынести дело на рассмотрение судебной палаты⁶.

Первоначально в случае выявления контролирующим судом нарушение любого рода он должен был отменить неправильное решение, принять меры «к восстановлению нарушенного порядка» и в случае необходимости

¹ См.: ПСЗ-III. Т. 5. № 2959; См. также: Нолькен А.М. Судебная реформа 1864 года и Первый департамент Правительствующего сената // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 2. С. 110–142.

² Учреждение судебных установлений. Ст. 251¹.

³ См.: ПСЗ-III. Т. 32. № 37328.

⁴ См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 249.

⁵ Там же. Ст. 64.

⁶ См.: ПСЗ-III. Т. 5. № 2959.

привлечь виновного к дисциплинарной ответственности¹. Но закон от 20 мая 1885 г. несколько расширил перечень действий. Суд как контрольный орган должен был, во-первых, разъяснить нижестоящему суду или должностному лицу, в чем «состояли неправильность или упущение», во-вторых, отменить незаконное постановление или распоряжение, в-третьих, принять меры по восстановлению должного порядка, а при необходимости привлечь виновных к дисциплинарной ответственности².

Вторая разновидность была связана с обязанностью председателя и первоприсутствующего осуществлять контроль внутри суда за своевременным и законным движением дел, а также за точным исполнением должностными лицами своих обязанностей. Для этого председателю суда и старшему председателю палаты предоставлялось право знакомиться с делопроизводством каждого отделения или департамента и всех должностных лиц, принадлежащих к составу суда или палаты³.

Перейдем к характеристике внешнего контроля, который тоже имел две разновидности: верховный и административный. По праву верховенства высший общий контроль над судебными органами принадлежал монарху, но реализовывался он опосредованно через ознакомление с ежегодными отчетами министра юстиции⁴ и кассационных департаментов Сената, по итогам которых могла назначаться ревизия судов⁵.

Министр юстиции, как генерал-прокурор, тоже имел контрольные функции. Первоначально закон ограничивал его полномочия возможностью принимать меры по устранению обнаруженных в суде нарушений, связанных с правосудием, а также проводить ревизию судов лично или через своего заместителя, а проверку окружных и мировых судов поручать членам судебных палат⁶. Недостатком закона можно признать отсутствие указаний на формы и способы контроля. Отчасти эти пробелы были устранены после принятия закона 20 мая 1885 г., но корректировка судебных уставов сопровождалось расширением контрольных полномочий министра юстиции. В частности, ему было предоставлено право требовать от судей нужных ему сведений и объяснений в письменной форме, а при необходимости и личного представления этих данных⁷. Теперь министр сам мог «делать напоминания и указания» лицам или привлекать виновных к ответственности⁸. Названные

¹ Учреждение судебных установлений. Ст. 250.

² См.: ПСЗ-III. Т. 5. № 2959.

³ Там же. Ст. 251.

⁴ Там же. Ст. 182; РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 347; Отчет министра юстиции за [1887–1912] год. СПб., 1898–1913.

⁵ См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 179, 257.

⁶ Там же. Ст. 254–256.

⁷ См.: ПСЗ-III. Т. 5. № 2959. Для сравнения ст. 254 УСУ: «Общий надзор за судебными установлениями и должностными лицами судебного ведомства сосредоточивается в лице министра юстиции как генерал-прокурора, в пределах, настоящим Учреждением установленных».

⁸ Там же.

полномочия таили в себе угрозу ограничения независимости судей, равно как и вносили элемент иерархического подчинения судей, тем более что выражения «указания» и «напоминания» сами по себе довольно неопределенны и могли толковаться весьма вольно.

Органы прокурорского надзора в соответствии с первоначальной редакцией судебных уставов имели право делать сообщения о замеченных нарушениях председателю суда или доносить министру юстиции¹. Однако по закону 20 мая 1885 г.² прокуратуре дополнительно предоставлялось право непосредственно выносить вопросы о замеченных ею упущениях на обсуждение общего собрания соответствующего суда, минуя его председателя. Названные полномочия указывают на особую форму контроля за судами, поскольку затруднено точное отнесение прокурорского надзора к внутреннему или внешнему контролю. Как судебный институт, он должен рассматриваться как разновидность внутреннего контроля. Однако возможность министра юстиции использовать прокуроров как инструмент контроля за судами указывает на наличие признаков внешнего контроля. Тем не менее считаем целесообразным отнести прокурорский надзор к разновидности внутреннего контроля на основании того, что органы прокурорского надзора являлись судебным институтом.

Все сказанное позволяет признать, что в России сохранился иерархический тип судебной власти. При всей самостоятельности суды не стали никаким государством в государстве или «судебной республикой» внутри самодержавного государства, как образно писали некоторые современники³. Суды имели функциональную, а не политическую самостоятельность, и именно в таком контексте и следует понимать независимость суда в дореволюционной России. В авторитарном государстве исполнительной власти всегда принадлежит существенное, если не решающее значение в судебной политике, поскольку суд редко обладает подлинной самостоятельностью. Об этом свидетельствуют и противоречивые позиции по поводу допустимости судебного правотворчества, возможности участия судей в решении своих внутренних вопросов, сохранение за Министерством юстиции достаточно широких полномочий в области судебного управления.

Библиографический список

1. Atwell J W The Russian Jury // SEER. Vol 53, № 130. January, 1975. P. 48–49.
2. Baberowski J. Autocratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. – Frankfurt am Main, 1996.
3. Berman H.J. The Spirit of Russian Law // Justice in the USSR. An Interpretation of Soviet Law. Harward. 1963. P.213–214.
4. Frierson C.A. «I must always answer to the law...»: Rules and responses in the reformed volost' court // Slavonic and East European rev. L., 1997. Vol.75, N 2. P. 313.

¹ См.: Учреждение судебных установлений. Ст. 253.

² См.: ПСЗ-III. Т. 5. № 2959.

³ См.: Московские ведомости. 1885. 4 сентября.

5. Johnson E.L. An Introduction to the Soviet Legal System. L., 1969.
6. Neuberger J. Popular legal cultures. The St. Petersburg mirovoi sud // Russia's Great reforms, 1855–1881. Bloomington, 1994. P. 232, 241.
7. Pearson T. Russian law and rural justice: Activity and problems of the Russian justices of peace, 1865–1889 // Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1984. Bd. 32. S. 54–55.
8. Pomeranz W. Profession or Estate? The Case of the Russian Pre–Revolutionary Advocatura // SEER. Vol. 77. № 2. April 1999. P. 240–268.
9. Wagner W. Tsarist legal policies at the end of the nineteenth century: A study in inconsistencies // Slavonic and East European Review. P. 390–394.
10. Анненков К. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. 3. СПб., 1885. С. 307.
11. Аннерс Э. История европейского права. М., 1994. 98 с.
12. Архипов И.В. Модернизация торгового права и коммерческого процесса России в XIX – начале XX вв.: дисс. ...докт. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 247.
13. Барац Г. Очерк происхождения и постепенного затем упразднения в России совестных судов и суда по совести. СПб., 1893. 46 с.
14. Вербловский Г.В. Движение русского гражданского процесса, изложенное на одном примере. М., 1905. 343 с.
15. Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1997. 442 с.
16. Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1965; Кузнецова Е.Н. Контрреформы 80-х–90-х гг. XIX века в России (государственно-правовая характеристика): дис. ...канд. юрид. наук. Л., 1977.
17. Вицын А.И. Третейский суд по русскому праву: историко-догматическое исследование. М., 1856. 114 с.
18. Гордон В.М. Система русского гражданского судопроизводства. Вып. 1. Ярославль, 1902. 79 с.
19. Джаншиев Г. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда). Историко-юридические этюды. М., 1891. 432 с.
20. Дорская А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII– начала XX вв.: автореф. дис. ...докт. юрид. наук [Электронный ресурс]. URL: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/yuridichesk/ie/22-09-2008> (дата обращения: 30.09.08).
21. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960. 396 с.
22. Ефремова Н.Н. Становление и развитие судебного права в России. М., 2007. С. 200–203.
23. Завадский А.В. О проекте министра юстиции о преобразовании местного суда. Казань, 1908. 40 с.
24. Зарудный М.И. Законы и жизнь: Итоги исследования крестьянских судов. СПб., 1874. 226 с.
25. Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60–80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007. 264 с.
26. Исаев И.А. История России: правовые традиции. М., 1995. 319 с.
27. Исаев И.А. История государства и права России. М., 2008. 768 с.
28. История отечественного государства и права / под ред. О.И.Чистякова. М., 1996. Ч. 1. 430 с.
29. Киселева А.В. Основные этапы и особенности реализации судебной реформы 1864 г. (на материалах Нижегородской губернии): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 12.
30. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж, 1989. 185 с.

31. Краткий курс церковного права православной церкви / сост. И.С. Бердников. Казань, 1913. 1464 с.
32. Крестьянское право по решениям Правительствующего Сената. СПб., 1913. 384 с.
33. Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. Т. 3: От Свода законов к судебной реформе 1864 г. М., 2003. 829 с.
34. Лазаревский Н. Ответственность за убытки, причиненные должностными лицами. СПб., 1905. 712 с.
35. Левенстим А.А. Харьковский судебный округ. 1867–1902 гг.: Исторический очерк. Харьков, 1903. С. 88.
36. Либерман А.А. Институт земских начальников (1889–1905): дисс. ...канд. ист. наук. М., 1976. С. 101, 103.
37. Лонская С.В. Мировая юстиция в России. Калининград, 2000. 215 с.
38. Люблинский П.И. Возрождение мирового суда. СПб., 1912. С. 7.
39. Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. М., 1997–2000. 469 с.
40. Милютин Д.А. Дневник: в 4 т. М., 1947–1950.
41. Министерство юстиции за сто лет. 1802–1902. Исторический очерк / вступ. ст.: П.В. Крашенинников М., 2001. 351 с.
42. Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. Речи и сообщения. Т. 2. СПб., 1900. 597 с.
43. Муравьев Н.В. Кандидаты на судебные должности. Вопрос судоустройства и судебной политики. М., 1886. 185 с.
44. Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. Саратов, 1999. 256 с.
45. Рогов В.А. История государства и права России IX – начала XX веков. М., 1995. 563 с.
46. Оршанский И.Г. Исследования по русскому праву, обычному и брачному. СПб., 1879. 543 с.
47. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. Т. 1, полутом 1. М.; Пг., 1923. 457 с.
48. Попова А.Д. «Правда и милость да царствуют в судах»: Из истории реализации судебной реформы 1864 г. Рязань, 2005. 312 с.
49. Смолярчук В.И. Анатолий Федорович Кони. М., 1981. 220 с.
50. Судебные уставы императора Александра II с комментариями и разъяснениями. Учреждение судебных установлений / сост. С.Г. Щегловитов. СПб., 1884. С. 8.
51. Терентьев Р.В. Реформа местного суда в России в начале XX века: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2007.
52. Титов А. О мировых судьях и земских начальниках. М., 1906. 32 с.
53. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. СПб., 1996. 606 с.
54. Харланов В.Л. Церковно-судебная практика Оренбургской епархии (1864–1918 гг.). Челябинск, 2004.
55. Щегловитов И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление уставов 20 ноября 1864 г. Пг, 1915. 70 с.
56. Щедрина Ю.В. Судебные учреждения российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков (на примере Курской губернии): дис... канд. ист. наук. Курск, 2002. С. 165.
57. Щедрина Ю.В. Суды российской провинции во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии). Курск, 2007. 160 с.
58. Энгельман И.Е. Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1912. 646 с.

59. Безгин В.Б. Деятельность земских начальников в обыденном восприятии крестьян (конец XIX – начало XX вв.) // Власть и общество в России: традиции и современность. Рязань, 2008. С. 267–273.
60. Василевский А. Отзывы русских журналов и газет о судебной реформе // Журнал Министерства юстиции. 1863. № 5. С. 403–448.
61. Веселов А.В. История развития третейского суда в России // Политология в России. – 2011. – 11 дек. – С. 39.
62. Гордон В.М. Особенности судопроизводства в коммерческих судах // Журнал Министерства юстиции. 1894. № 2. С. 142–166.
63. Громницкий М.Ф. Из прошлого // Русская мысль. 1899. № 9. С. 210–251.
64. Иорланд П.А. Будущие судебные деятели. К вопросу о кандидатах на судебные должности // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 7–8. С. 1–46.
65. Лонская С.В. Мировой суд в судебной системе пореформенной России // Правоведение. 1995. № 3.
66. Мнение председателя одного из коммерческих судов о наших третейских судах // Журнал Министерства юстиции. 1862. № 3. С. 187.
67. Обнинский П. Еще о мировом институте // Юридический вестник. 1888. Кн. 5. С. 111.
68. Одоевский В.Ф. Текущая хроника и особые происшествия . 1859–1869 гг. // Литературное наследство. 1935. № 22/24. С. 220.
69. Парижский коммерческий суд: устройство коммерческих судов во Франции // Журнал Министерства юстиции. 1862. № 11. С. 459–462.
70. Нолькен А.М. Судебная реформа 1864 года и Первый департамент Правительствующего сената // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 2. С. 110–142.
71. Смыкалин А. Судебная контрреформа конца XIX века: миф или реальность // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 42–45.
72. Стаматов Н. О надзоре за судебными установлениями // Апрель: Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. СПб., 1898, Кн. 4. С. 20–82
73. Стаматов П. Право судебных палат по департаментам проявлять надзор по 250 ст. Учр. суд. уст. // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 5. С. 207–216.
74. Тютрюмов И.М. Кандидаты на судебные должности // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 10. С. 5–110.
75. Шенинг В.А. О силе решений третейского суда // Журнал Министерства юстиции. 1896. N 6. С. 64–111.